

Безнравственность нашего общества

Странное выходит время, нынешнее время, если призадуматься над ним поглубже. Один из английских дипломатов сказал однажды, что в Петербурге иностранным послам и посланникам не нужно иметь тайных агентов для разведывания, так как само русское общество отлично исполняет их обязанности: «Я все знаю, даже не расспрашивая», — прибавил он.

То же рассуждение можно применить к интернационалке. Зачем ей иметь в Петербурге агентов, когда мы сами так отлично и усердно растлеваем самих себя на пользу великого дела разрушения?

Зачем этот спор между классическими и реальными гимназиями, зачем нам классицизм, зачем народное образование, когда театр Буфф становится театром Русского народа?

Неужели классицизм, неужели образование в состоянии воспитать общество, охватываемое со всех сторон нравственной гангреной?

Если общество утрачивает даже сознание нравственного и безнравственного, не значит ли это, что оно идет к своему разложению, что нет уже в нем ни политической, ни Божественной религии, и что, следовательно, всякое образование будет только процессом вливания в сосуд с протекающим дном?

В предыдущих номерах мы указали на три поразительные и ужасающие факта:

1) Священное для каждого русского имя правительства дерзнули-де употребить до такой степени во зло, чтобы не позволить на предстоящей выставке в Москве никакого другого народного театра, кроме театра Буфф и Берга. Таков слух.

2) Ежедневно в столице Русского государства, между Аничковым дворцом и памятником Екатерины II, дается в театре Буфф пьеса, осмеивающая чувства преданности к государю, осмеивающая военную честь, осмеивающая патриотизм и безнравственностью не имеющая себе подобной в анналах мира.

3) За эту пьесу, приведшую в восторг целое общество, актрисе парижского театра благодарный Петербург всенародно подносит золотой скипетр!

Спрашивается, какое в истории России нечаевское дело¹ могло бы сравниться по опасности, угрожающей правительству и обществу, с совокупностью этих трех ужасающих событий?

Какого же чувства в нас недостает, чтобы самая невообразимая невозможность становилась не только возможной, но даже никого не поражающей?

Какой же функции мозга в нас нет, если мы не можем отчетливо понять, что во Франции законная, наследственная королевская власть, представители страны и сама Церковь погибли от революции, погибли навсегда именно и прежде всего от осмеяния всех этих государственных начал? Как объяснить себе, что всякий свежий впечатлениями и неиспорченный человек, выходя из театра Буфф, выходя из русского нашего театра, обращенного здесь, в Москве, в Киеве, в тот же театр Буфф, чувствует всю силу нравственного яда, вливающегося в организм, — а для нас эти голоса, раздающиеся со всех концов России о растлении наших высших и средних слоев общества путем театра, вопиют в пустыне?

Во Франции такое явление при Наполеоне III было понятно: растление народа было делом правительства и исходило из оригинальной мысли: «Лучше народу погибнуть от разврата, чем заниматься ему политикой».

Но у нас что это значит?

Шесть месяцев мы жили под страхом нечаевского дела; вот уж сколько лет, что мы толкуем о нигилизме и нигилистах!

А между тем, что такое нечаевское дело и нигилисты в сравнении с нами?

И если то и другое суть нарывы нашего общественного организма, то неужели мы не понимаем, что придет, наконец, время, и весьма скоро, когда отсечение и прорезание гангренозных частей и нарывов будет бесполезно? Омертвление и гниение охватят весь организм.

Неужели мы не понимаем, что если из десяти один на тысячу зрителей театра Буфф поймет смысл этих отравляющих нас пьес настолько, чтобы не быть в силе противодействовать происходящему в них процессу развенчания тех нравственных идеалов, которые составляют смысл и силу государства, то этот десятый процент является уже готовой жертвой всякого растлевающего поветрия, и если обстоятельства благополучные не сделают его нулем, то обстоятельства злополучные неизбежно сделают его преступником?

Неужели мы не понимаем, что если девять десятых этих зрителей не чувствуют всю мерзость такого театра или чувствуют, но не имеют в себе нравственной силы раз навсегда в него не входить и в него не впускать на растление наше юношество, то такое общество обнаруживает уже признаки весьма близкого разложения?

Дело не в том, что наше общество «нуждается» в театре Буфф, наслаждается им или жить без него не может — такое явление как безобразия было бы слишком чудовищно!

Но опасность и безобразия заключаются в том, что в нас подобно обществу во Франции нет нравственных сил к противодействию всякому нравственному злу. Мы не можем найти даже почвы, чтобы друзьям порядка можно было сойтись, понять одинаково главные основы нравственного мира и предпринять какие-нибудь нравственные усилия, чтобы противодействовать опасности, угрожающей нашему правительству, нашему государству, нашей Церкви, нашей семье! В нас нет даже гражданского мужества настолько, чтобы громко признать опасность для государства в опасности для нашего правительства; в опасности для Церкви признать опасность для нашего государства и правительства и, наконец, в опасности для семьи признать опасность для всего государства.

Мы не смеем во имя нравственности и религии называть вещи их именами и подобно Англии или Пруссии, признавать источником всех этих опасностей такие явления, как развращение русского театра, поднесение скипетров актрисам, оголяющим разврат, поощрение и чествование разврата публичного и тысячи других явлений одно другого хуже и гнуснее. Да, мы не смеем, ибо боимся, но боимся кого же?

Прежде мы боялись Европы, когда она нам мерещилась в лице Франции!

А теперь, когда Европа является в лице крепкой нравственной и суровой Пруссии, мы боимся какого-нибудь фельетониста торгующей либерализмом газеты!

Да, мы низко и очень низко упали! Мы согласимся скорее допустить какого-нибудь несчастного юношу развратиться до глубины мозга и превратиться в какого угодно преступника, чем устраситься нас самих — общества, создающего преступников. И охотнее будем сто раз рукоплескать обвинениям или защите этих несчастных, одиноких преступников, — благо это не стоит

ни труда, ни усилий, — чем решиться громко сказать, что «общество, подносящее скипетры г-жи Шнейдер², сто раз, тысячу раз преступнее — и перед правительством, и перед государством, и перед Церковью — всяких Нечаевых!»

Итак, признаков для обнаружения растления нашего общества довольно.

Теперь остается знать: способно ли наше общество опомниться, отрезвиться и предпринять против самого себя отчаянный, беспощадный поход для борьбы с элементами растления, со всех сторон подтачивающими его организм?

Если способно, то все, что мысль человеческая может придумать, как средство к противодействию общественной безнравственности должно быть придумано и осуществлено.

Надо, чтобы в недрах самого общества созидались общества для борьбы с публичным развратом, и если член общества покровительства животным имеет право на улицах арестовывать человека, бьющего лошадь, то член общества нравственности должен получить право сгонять с улиц публичных женщин, держащих являться во всей роскоши своего продажного ремесла, должен иметь право просить у правительства, чтобы в интересах нравственности, а следовательно — самого правительства, театры Буфф и Берг были раз и навсегда запрещены на всем пространстве России, и чтобы еще менее были дозволены все гнусные своей безнравственностью пьесы в репертуаре Императорских театров.

Пока еще есть время, пока яд растлевающего театра Оффенбаха не проник еще «глубоко» ни в наше юношество, ни в нашу армию, ни в наш народ, опасность дальнейшего его распространения может быть отвращена решительными мерами. Но спросите любого русского человека, приезжающего в Петербург: публичный разврат, нас не поражающий, его ошеломляет везде, решительно везде, и он-то вам и скажет: «Страшно, очень страшно, разврат начинает проникать в Россию, медлить нельзя, каждый час дорог!»

А если общество не в силах ничего сделать, то неужели, внимая голосу мольбы всей России, правительство не примет на себя сделать все то, что общество сделать бессильно, тем более, что один из самых сильных двигателей безнравственности есть театр, а реформа театра зависит почти исключительно от правительства.

Реформа эта — самая настоящая, нужная, ибо каждое замедление ее усиливает с каждым днем растление нравов во всех слоях общества.

Основания этой реформы могли бы быть весьма просты:

1) Решимость приступить к пересмотру положения о театрах с тем, чтобы из русского театра создать учреждение, во всех отношениях достойное этого имени.

2) Пересмотр этот поручить самому обширному и разнообразному по составу своему учреждению, столько же правительственному, сколько и общественному.

3) Закрытие немедленно всех театров Буфф и Берг, т. е. всех театров с репертуарами неопределенными и куплетами.

4) Повсеместное открывание народных театров с предварительным составлением репертуара таких пьес, которые могли бы производить на народ нравственное влияние.

5) Самое строгое рассмотрение репертуара Оффенбаха с тем, чтобы выкинуть из него все те пьесы, которых содержание политическое безусловно вредно.

За сим еще многое нужно!

Но пока на этом мы остановимся.

Если правительство это сделает, — мы убеждены, Россия сумеет быть ему благодарна.

А если такие меры покажутся не довольно «французскими» тем, которые не умеют отличать безнравственность от прогресса, или тем, которые из боязни прослыть отсталыми, готовы «*droits de l'homme*» * видеть даже в канканирующей публично проститутке, пускай они кричат: их крики и либеральную болтовню весьма скоро заглушат тысячи благословений русских отцов и матерей, которым правительство спасет детей от всех ужасов разврата, невидимых до той минуты, пока зритель “*Belle Helene*” или “*Sabre de mon pere*”** не обратится в преступника, и зала театра Буфф — в заседание уголовного суда!

Думать, что всякое уголовное дело перед судом, какое бы оно ни было, — политическое или неполитическое — останавлива-

---

* Права человека (*фр.*)

** «Прелестная Элен», «Сабля моего отца».

ет зло нравственного разрушения общества — значит жестоко ошибаться!

Это только новое доказательство нравственного бессилия общества, новая причина для него успокаиваться и закрывать глаза на самый процесс разрушения, им же самим совершаемый, это новое средство, посредством которого еще к одному преступлению общество привыкает нравственно!

Вот почему государство, где общество делает из борьбы с безнравственностью атрибут Полиции и Суда, будущности иметь не может.

